

С. Р. Македова
Майкоп, РоссияS. R. Makerova
Maykop, Russia**КОРРЕЛЯЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ
И ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА****THE CORRELATION OF A GRAMMATICAL FORM
AND LANGUAGE FUNCTIONS**

Аннотация. Рассматриваются вопросы языковой (грамматической) формы, а именно признаки маркированности грамматического значения (эксплицитного и имплицитного) в ракурсе когнитивно-ориентированной морфологии. Анализируются функции языка; особое внимание уделяется их когнитивной сложности. Выявлено, что язык в тексте функционирует в соответствии с неразрывной взаимосвязью «системы и среды». В текстах представлено бесконечное разнообразие семантических контекстных приращений в грамматиках и трансформаций грамматических категорий. Установлено, что содержание первостепенно, в то время как форма (грамматическая) является маркером эксплицитного и, что особенно важно, имплицитного содержания.

Abstract. The article deals with the problem of the grammatical form, and namely its indication of a marked grammatical meaning (explicit and implicit) within the scope of cognitive-oriented morphology. The language functions are analyzed; special attention is given to their cognitive complexity. It is revealed that the language functions in the text in accordance with the inseparable connection of "the system and the environment". A great variety of semantic contextual implications in grammemes and transformations of grammatical categories take place in written discourse. It is stated that the content is primary and the grammatical form is the marker of explicit and, what is especially important, implicit meaning.

Ключевые слова: грамматическая форма; функция языка; грамматическое значение; имплицитный смысл; эксплицитный смысл; грамматическая категория; среда.

Key words: grammatical form; language function; grammatical meaning; implicit meaning; explicit meaning; grammatical category; context.

Сведения об авторе: Македова Сусанна Рашидовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии.

About the author: Makerova Susanna Rashidovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of English Philology.

Место работы: Адыгейский государственный университет (Майкоп, Россия).

Place of employment: Adyge State University (Maykop, Russia).

Контактная информация: 385000, г. Майкоп, ул. Университетская, 208.
e-mail: susanna04@rambler.ru.

В центре внимания науки о языке на протяжении многовековой истории находится языковая форма. Это формальный признак со всеми своими свойствами и проявлениями, которые поддаются описанию. Однако если морфологию понимать просто как учение о формах (в отрыве от их семантического наполнения и особенностей выбора на оси селекции), то действительно можно говорить о полной исчерпанности собственно морфологической проблематики: самые полные списки парадигм со всеми формальными модификациями давно стали достоянием грамматик и грамматических словарей. Однако когнитивно ориентированная морфология исходит из того предположения, что выбор формы обуславливается особенностями человеческого интеллекта и коммуникации, т. е. когнитивной способностью человека. «...Исчерпывающее описание языка не может быть дано без полного описания человеческой когниции» [Halliday, Hassan 1989: 63], и это в полной мере относится к морфологическому уровню. В. А. Плунгян [Langacker 1987: 78] справедливо называет важнейшим свойством грамматического значения «когнитивную выделенность» (в связи с этим — регулярные способы импликации), которая, в свою очередь, предопределяет такое основополагающее качество грамматического значения, как облигаторность. Второе звено — нерегулярные (окказиональные) импликации — предполагает такое свойство, как контексту-

ально обусловленную вариативность. Это представляет особый интерес в рамках письменного дискурса и требует глубокой проработки и анализа.

В современной лингвистике особый интерес представляют проявления языковой формы в определенной «среде», так называемое «дискурсивное поведение» языковой формы. По Э. Бенвенисту [Бенвенист 1974: 45] (а вслед за ним это утверждали многие авторитетные языковеды), языковая форма напрямую связана с функционированием данной конкретной единицы.

В лингвистической теории существуют различные классификации функций языка, однако под разными наименованиями порою обнаруживаются сходные функции. Так, австрийский психолог К. Бюлер [Бюлер 1993: 67] выделяет три функции: экспрессивную, существующую в системе *язык — индивид* и рассматриваемую в отношении самого говорящего, т. е. в плане использования языка как средства самовыражения; конативную — функцию общения, рассматриваемую в системе *говорящий — слушающий*, и, наконец, репрезентативную, обеспечивающую взаимодействие индивида и окружающей его среды, куда, однако, другие индивиды К. Бюлером не включаются. Последняя функция связана со способностью материи к отражению и свойством человеческого мозга обеспечивать лингвистическую обработку экстралингвистической реальности. Функции

К. Бюлера отражают позицию психолога, для которого язык интересен именно в системе *язык — индивид*, где индивид является отправной точкой анализа.

Р. Якобсон [Якобсон 1965: 375], представляя общение как взаимодействие адресанта, сообщения, адресата, контекста, контакта и кода, выделяет следующие шесть функций речи: экспрессивную (или эмотивную), поэтическую, конативную, реферативную, фатическую и металингвистическую. Представитель Пражского лингвистического кружка А. Мартине [Мартине 1963: 367—370] указывает на то, что суть его подхода определяется отношением к языку как к социальному явлению, возникшему из потребности общения. В работе выделяются три основные функции языка: коммуникативная, экспрессивная и эстетическая. Последняя функция, по мнению автора, тесно связана с двумя первыми, обусловлена ими и является гораздо более сложной для анализа. Под экспрессивной функцией понимается роль языка как средства выражения мыслительного процесса индивида и выражения отношения говорящего к экстралингвистическим факторам безотносительно к наличию коммуникации.

М. А. К. Халлидей [Halliday, Hassan 1989: 68—72] выделяет три метафункции. Первая — понятийная (*ideational*), в соответствии с которой язык функционирует как средство передачи опыта о закономерностях окружающего мира и опыта языковых реалий, отражающих эти закономерности. В качестве второй выделяется межличностная функция (*interpersonal*), проявляющаяся в использовании языка как средства общения между людьми, в том числе для оказания воздействия на собеседника, а также выражения позиции говорящего. Третья функция, текстовая (*textual*), позволяет воплощать язык в устной или письменной форме и связана с оформлением связных отрезков речи, обусловленных прагматически. Текстовая функция реализуется через тематическую и информационную структуры (или системы) и соответствующие когезивные отношения [Бисималиева 1998: 9]. В работе «*Language, Context and Text*» [Halliday, Hassan 1989: 15]. М. А. К. Халлидей и Р. Хасан приравнивают понятие «функция» к понятию «употребление». Мы полагаем, что между этими понятиями не всегда можно поставить знак равенства, так как употребление полностью зависит от участника коммуникации и его прагматической установки (т. е. всегда целенаправленно), в то время как функция не задается самим говорящим, а является сопутствующей значению (в первую очередь грамматическому) и связана с грамматической формой.

В. В. Виноградов выделяет три функции языка: функцию общения, сообщения и воздействия [Виноградов 1978]. Н. А. Слюсарева указывает на четыре функции языка: коммуникативную, когнитивную, эмоциональную и метаязыковую, причем основополагающими яв-

ляются первые две функции [Слюсарева 1981: 68]. Коммуникативная и когнитивная функции тесно связаны и определяют друг друга. Если первая связана с процессом человеческого общения, получения и передачи информации, то вторая заключается в приобретении, накоплении и обработке индивидом информации, включая информацию экстралингвистического плана (об окружающем мире) и лингвистическую (знания грамматических правил и правил употребления языка в зависимости от социального и иного вида контекста). В этой связи важно отметить потенциал импликатур, которые актуализируют свое значение на разных уровнях. «Имплицативное» относится в первую очередь к сфере когнитивного, подразумеваемого, но косвенно вербализованного. Таким образом, импликатуры можно по праву считать осложненными ментальными образованиями.

Эмоциональная функция также находит свое выражение в процессе коммуникации. Любое высказывание передает некоторую эмоциональную оценку или эстетическое восприятие того, о чем идет речь. В каждом высказывании дополнительно, но в то же время неотделимо от структурных характеристик и содержания, идет выражение чувств говорящим с помощью различных языковых средств.

Метафункция рассматривается как способность языка в полном объеме, непротиворечиво описывать самого себя.

Функции, выделяемые Г. Куком [Cook 1989], почти полностью совпадают с функциями Р. Якобсона. К глобальным, или макрофункциям, языка он относит следующие: эмотивную (*emotive*) — сообщение о внутреннем состоянии и чувствах говорящего; директивную, или конативную (*directive*) — воздействие на поведение адресата; контактоустанавливающую, или фатическую (*phatic*) — открытие канала связи или проверка его наличия; поэтическую (*poetic*) — когда конкретная выбранная форма является сутью послания; референциальную (*referential*) — передачу информации; металингвистическую (*metalinguistic*) — концентрацию внимания на самом языке или коде с целью его разъяснения или пересмотра; контекстную (*contextual*) — создание коммуникации особого рода. Однако, как справедливо отмечает Г. Кук, часто не замечают двойственный характер термина «функция», который может означать как «функцию для получателя», так и «функцию для отправителя», которые необязательно будут совпадать. Другими словами, термин «функция» может относиться как к результату дискурса (для получателя), так и к намерению (для отправителя). С точки зрения прагматики функции рассматриваются в терминах намерения отправителя. Толкование текста часто связано с функцией как результатом для получателя. Большинство классификаций языковых функций соединяют два этих подхода, не разграничивая этих (разных)

функций. Мы согласны с представленной дихотомией, однако не поддерживаем разделение на прагматику-1 (со стороны автора) и прагматику-2 (со стороны читателя), так как если прагматика со стороны автора действительно существует, то прагматика со стороны читателя не может быть выявлена.

Представленные функции реализуются языковыми и неязыковыми средствами в процессе устного и письменного речевого общения. Можно не согласиться с рядом лингвистов [Бюлер 1993: 9—11], которые считают неязыковые средства достоянием только устной речи. Ведь и в письменной речи, наряду с языковыми (вербальными), существуют и невербальные средства, такие как пунктуация, шрифт, подчеркивание и различного типа графоны. Такую функцию, на наш взгляд, выполняют и знаки препинания, маркирующие парантетические вхождения. Очевидно, что в тексте все средства являются индивидуальным способом выражения авторской мысли, что определяет их прямую зависимость от интенции автора.

Не согласимся с тем, что любое речевое сообщение есть средство выражения мыслей адресанта (экспрессивная функция) для оказания воздействия на адресата (конативная функция). В первую очередь общение — это коммуникативный акт, при котором речевое сообщение может оформляться определенным образом (поэтическая функция) и наполняться определенным содержанием (реферативная функция). Сообщение содержит те или иные средства для организации общения (фатическая функция) и организации текста (введение в него средств членения, оценки, интерпретации и т. д.) (металингвистическая функция) [Бисималиева 1998: 10].

В тексте реализуются следующие функции, которые подчинены основополагающей — функции манипулятивного воздействия:

- 1) экспрессивная,
- 2) реферативная,
- 3) фатическая.

Эти функции полностью зависят от основополагающей функции коммуникации, связанной с процессом обработки информации и ее передачи — когнитивной функцией, перспективность исследования которой очевидна для выявления скрытых смыслов, закодированных в граммемах (в рамках когнитивной грамматики как раздела когнитивной лингвистики).

Зачастую ведущие теоретики языкознания избегают использовать коллокацию «когнитивная лингвистика» и предпочитают говорить о когнитивном подходе к языку. А. Е. Кибрик [Кибрик 2008: 52] пишет о том, что, получив широкое хождение, термин когнитивная лингвистика стал модным и в известной степени был скомпрометирован вульгарным применением. Что касается самой сущности когнитив-

стики, то она состоит прежде всего в стремлении не просто описывать языковые факты, но выявлять причины использования тех или иных языковых знаков. Для когнитивного подхода характерно повышенное внимание к внешним характеристикам языкового знака и постоянное отслеживание кажущихся случайностей языковой формы, поскольку за ними может стоять нечто важное, имеющее серьезные последствия. По сути дела, пишет А. Е. Кибрик, всякая хорошая лингвистика преследует такие цели, а значит, она когнитивна; «но разница между эксплицитными и имплицитными целями существует: вероятность найти то, что специально ищешь, значительно выше» [Кибрик 2008: 76].

Задача создания когнитивной грамматики только поставлена, и есть лишь первые приблизительные результаты на этом пути. В самом деле, если использование видовых форм никогда не вызывает речевых затруднений у носителей русского языка, то объяснение семантического содержания видового противопоставления связано с огромными трудностями. Каждый преподаватель русского языка как иностранного испытывал беспомощность при объяснении семантического содержания форм совершенного вида будущего времени, ср.: «Каждый из нас не раз испытывал чувство неудовлетворенности, пытаюсь при помощи обычных грамматических описаний логически убедительно и исчерпывающе объяснить самому себе или своим ученикам употребление видов в русском языке» [Телин 1985: 530]. Наследие «поверхностной» аспектологии (как и грамматики в целом) — это представление о полном и однозначном соответствии между системным семантическим содержанием и грамматической реализацией, которое отразилось в попытках генерализации семантики с помощью единственной семантической оппозиции (ср. попытки установления «инвариантных» значений глагольного вида или именного числа). Однако контекст вносит свои коррективы (или, скорее, предоставляет определенную степень «свободы» в использовании формы в конкретной среде): *...in view of that history, the November 4 election of an African-American father (a bi-racial Black man) as president marks the highest electoral point of the post-civil rights revolution. This is the historical context of Obama's election victory. For the Black community it is not about Democrat versus Republican, lesser evilism or anything else (Even the first Black female Republican Secretary of State Condoleezza Rice choked up the day after Obama's win)* [Against The Current 2009: 36].

В рассматриваемом примере сравнительная степень *lesser* в сочетании с авторским окказионализмом *evilism* (в котором суффикс *-ism* передает значение осуждаемого заблуждения, предрассудка), маркированным по степени экспрессии, обладает пейоративной им-

пликацией. Нетипичная форма обретает в контексте гораздо более емкое содержание.

Представление о тексте как о результате языкового кодирования и одновременном объекте языкового декодирования позволяет более адекватно интерпретировать грамматические формы. Выбор форм вида в императиве традиционно пытались связывать с вежливостью. Известный итальянский славист Розанна Бенаккио приводит прямо противоположные высказывания: одни считают более вежливыми императивы несовершенного вида, другие — совершенного [Бенаккио 2010: 14—15, 66—68]. Убедительно разъясняются подобные факты в трудах Е. В. Падучевой, которая указала компоненты значения несовершенного и совершенного видов в императиве, среди них — компонент обусловленности действия контекстом или ситуацией. *Садитесь* говорят в ситуации, когда это сказать естественно; *сядьте* скорее скажут в ситуации, когда человек не собирался садиться.

Таким образом, можно говорить о ситуативной импликации, которая выражена в определенной грамматической форме.

В когнитивно-дискурсивном плане следует отметить, что обусловленность ситуацией предопределяет вежливое или невежливое звучание императива: употребление несовершенного вида там, где ожидается совершенный вид, делает высказывание невежливым, ибо представляет ситуацию так, будто адресат обязан выполнить действие.

И даже такая на первый взгляд «ясная и прозрачная» категория, как число, тоже не исчерпывается парадигмальными списками, поскольку нет единого правила, которое помогло бы во всех случаях использовать числовые формы. Использование числовых форм изначально предполагало реализацию счета, связанную с понятием числа. Счет же, равно как и измерение, является в первую очередь средством выявления количественной определенности, тогда как грамматическое значение множественности передает прежде всего количественную неопределенность (что отмечалось еще в античных грамматиках).

Рассмотрим следующий пример: *Now that the American people are being called upon to finance this solution, the American people have the right to certain protections and assurances from Washington* [A Financial Plan: Remarks in Florida. Tampa, Florida 2008: 41].

В приведенном примере пассивный залог используется с конкретной целью — скрыть субъект (*Washington* и *Wall Street*), который не упоминается, однако имплицитно подразумевается.

Осмысление и описание таких фактов в области морфологических форм еще в самом начале пути. Адекватное объяснение таких фактов возможно только с опорой на лексическую семантику и на совокупность факторов, которые в

терминологии А. В. Бондарко получили название «среды» [Бондарко 2001: 4—13].

С идеей о неразрывной связи «системы» и «среды» согласуется программа интегрального описания языка. Она нацелена на согласованность грамматического и словарного описания. При таком подходе в описании языка не останется лакун: лексемам будут в явном виде приписаны все свойства, релевантные для функционирования грамматических правил, и любая форма поведения лексем, не упомянутая в словаре, будет учитываться правилами.

Совершенно очевидно, что в различных текстах (разных стилей) может быть представлено разное количество семантических контекстных приращений и трансформаций грамматических категорий. Ю. М. Лотман [Лотман 1992: 130] пишет, что текст есть сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности.

Нельзя недооценивать форму и ее значимость. Однако форма без содержания несущественна. Так, «музыка лишена предметной определенности и познавательной дифференцированности, но она глубоко содержательна: ее форма выводит нас за пределы акустического звучания, и отнюдь не в ценностную пустоту, — содержание здесь в основе своей этически (можно говорить и о свободной, не предопределенной предметности этического напряжения, обываемого музыкальной формой). Бесконтентная музыка как организованный материал была бы не чем иным, как физическим возбудителем психофизиологического состояния удовольствия» [Ортега-и-Гассет 2005: 29].

И действительно, форма может потерять первичное отношение к содержанию, а содержание может быть низведено до «чисто формального момента» [Бахтин 1975: 35].

Таким образом, содержание первостепенно, в то время как форма (в данном случае грамматическая) является маркером этого содержания.

Продюцент, таким образом, берет на себя ответственность за использование языка и любые трансформации. Показательно замечание Х. Ортеги-и-Гассета: «Писать хорошо — значит постоянно подтачивать общепринятую грамматику, существующую норму языка. Это акт перманентного мятежа против окружающего общества, подрывная деятельность» [Ортега-и-Гассет 2005: 29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: Художественная литература, 1975.
2. Бисималиева М. К. Функциональная перспектива научно-филологического текста. — М.: Диалог МГУ, 1998.

3. *Бенаккио Р.* Вид и категория вежливости в славянском императиве: сравнительный анализ. — München : O. Sagner Verl., 2010.
4. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974.
5. *Бондарко А. В.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. — М., 2001. Т. 1. С. 4—13.
6. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. — М. : Прогресс, 1993.
7. *Виноградов В. В.* История русских лингвистических учений : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / сост. Ю. А. Бельчиков ; предисл. Ю. В. Рождественского. — М. : Высш. школа, 1978.
8. *Кибрик А. Е.* Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51—77.
9. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. — Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129—132.
10. *Мартине А.* Основы общей лингвистики / пер. с франц. В. В. Шеворошкина // Новое в лингвистике / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. — М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. Вып. 3. С. 366—566.
11. *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой ; ред. пер. А. М. Корбуг ; под общ. ред. М. А. Гусаковского. — Минск : БГУ, 2005.
12. *Слюсарева Н. А.* Проблемы социальной природы языка в трудах французских лингвистов // Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М. : Наука, 1981. С. 56—72.
13. *Телин Н. Б.* Вид и способ действия в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. Вып. 15. С. 528—637.
14. *Якобсон Р.* Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами // Новое в лингвистике. — М. : Прогресс, 1965. Вып. 4. С. 372—377.
15. *Cook G.* Discourse. — Oxford Univ. Pr., 1989.
16. *Halliday M. A. K., Hassan R.* Language, Context and Text: Aspects of Language in a social-semiotic perspective. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1989. P. 51—118.
17. *Langacker R. W.* Foundations of cognitive grammar. — Stanford : Stanford Univ. Pr., 1987. Vol. 1 : Theoretical Prerequisites.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.